

УДК 32.006
ББК 66
К 126

К 126 **КАВКАЗ-2009. Ежегодник Института Кавказа.** – Ред. А. Искандарян. – Ер.: Институт Кавказа, 2011. – 200 с.

Седьмой выпуск Ежегодника Института Кавказа посвящен итогам 2009 г. в регионе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, Турции, России и Польши на Ежегодной конференции Института Кавказа в мае 2010 г. Статьи сборника посвящены различным аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2009 г.; в них отражена общая динамика и проведен сравнительный анализ политических и социально-экономических процессов на Кавказе, описано положение в сфере региональной безопасности и ее увязка с глобальными развитиями, показаны перспективы урегулирования конфликтов.

Редколлегия: Нина Искандарян, Сергей Минасян, Арташес Хачатрян
Дизайн обложки: студия "Матит" / www.matit.am
Географические карты и верстка: студия "Коллаж" / www.collage.am

Caucasus 2009. CI Yearbook. – Ed. A. Iskandaryan. – Yerevan, CI, 2011. – 200 p.

The seventh CI Caucasus Yearbook sums up the year 2009 in the region. It is based on presentations made by scholars from Armenia, Azerbaijan, Georgia, Turkey, Russia and Poland at the CI Yearly Caucasus Conference in May 2010. The papers included in this volume describe main political, social and economic trends in the South and Northern Caucasus, propose their comparative analysis, look into regional security including its global aspects, and analyze conflict resolution prospects.

Copy editing by Nina Iskandaryan, Sergey Minasyan, Artashes Khachatryan
Cover design by Matit / www.matit.am
Maps and text layout by Collage / www.collage.am

Издание опубликовано при поддержке Европейского Союза, Швейцарского агентства развития и сотрудничества, Фонда Генриха Бёлля и Фонда поддержки аналитических центров Института открытого общества.

The publication of this volume was made possible by the support of the European Union, the Swiss Development and Cooperation Agency, the Heinrich Böll Foundation and the Open Society Think Tank Fund.

УДК 32
ББК 66

© Институт Кавказа, 2011 г.
© 2011 by Caucasus Institute

ISBN 978-99941-2-498-5

Все статьи сборника отражают исключительно личное мнение авторов, а не Института Кавказа, его спонсоров или каких-либо иных организаций, в том числе тех, в которых работают авторы статей. Некоторые имена и географические названия на Южном Кавказе являются частью конфликтных дискурсов. Во избежание непонимания, в сборнике сохранено авторское написание имен и названий.

Papers included in this volume reflect the personal opinions of the authors and not those of the Caucasus Institute, its sponsors or any other organizations including ones with which the authors are affiliated. The spellings of some personal and geographical names form part of conflict discourses existing in the South Caucasus. To avoid misunderstanding, all names in this volume are spelled the way they were spelled by the authors.

РОССИЙСКИЙ СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В 2009 Г.

Сергей Маркедонов

В 2009 г. социально-политическая повестка дня российского Кавказа была чрезвычайно насыщенной. Отмена режима КТО (контртеррористической операции) в Чечне и рост (не только количественный, но и качественный) терактов не только в этой, но и в соседних республиках (Дагестан, Ингушетия). Покушение на президента Ингушетии Юнус-бека Евкурова, убийство главы МВД Дагестана Адильгереев Магомедтагирова, гибель известных правозащитников (Натали Эстемировой, Макшарипа Аушева). Многочисленные диверсионно-террористические атаки на представителей правоохранительных структур и военнослужащих, гибель гражданских лиц. Оживление этнического национализма (притом что радикальный исламизм не сдал в 2009 г. свои позиции, скорее напротив, усилил) и в то же время принципиально важные шаги к разрешению застарелого этнополитического противостояния между Северной Осетией и Ингушетией. В 2009 г. многократно давала о себе знать и внутриреспубликанская борьба за власть (свидетельством чему – скандальная ситуация во время выборов главы муниципалитета в Дербенте). Таковы основные вехи турбулентного 2009 г.

События в самом проблемном регионе России снова показали: к Северному Кавказу невозможно относиться на основе какого-то единого стандарта. Растущее политическое насилие имеет разную природу, требующую в каждом конкретном случае индивидуального решения. Однако все республики региона объединяет одно – дефицит общегосударственной стратегии, а также прогностического (а не реактивного) видения его перспектив. К сожалению, 2009 г. в этом плане для Северного Кавказа не стал переломным. Ситуативное реагирова-

ние по-прежнему остается доминирующим политико-управленческим стилем российской элиты в отношении Кавказского региона.

Целью настоящей статьи является рассмотрение основных социально-политических тенденций в северокавказском регионе в 2009 г. Естественно, хронологические рамки нашей работы в определенной мере являются условными, поскольку некоторые инициативы 2009 г. (такие, как введение в административную структуру должности особого чиновника, ответственного за Северный Кавказ) получили свое логическое продолжение в 2010 г. И можно уже зафиксировать некоторые предварительные результаты подобных нововведений. Напротив, некоторые тенденции (такие, как определенное «оживление» этнического национализма и укрепление радикального исламизма) проявились в общественно-политической жизни региона раньше (в 2005-2008 гг.). Тем не менее, наш фокус сосредоточен на событиях 2009 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА: ПОИСКИ НОВЫХ ОЦЕНОК И ПОВТОРЕНИЕ СТАРЫХ ОШИБОК

В предыдущие годы, всякий раз подводя северокавказские итоги, автору приходилось констатировать наличие двух «картинок» Кавказа. Одна из них – «мирный Кавказ», преодолевший «мрачное наследие 1990-х гг.» и пожинающий плоды мудрой политики федеральной власти эпохи «вертикали» в виде победных электоральных процентов. Вторая же картинка – Кавказ, погружающийся в пучину терактов и диверсий, статистика которых никак не соотносилась с победными релициями властей различных уровней. Основной причиной такого «раздвоения» было отсутствие хотя бы минимальной рефлексии представителей высшей власти. Кавказ рассматривался как личный пиар-проект Владимира Путина, который вошел на российский Олимп во многом благодаря жестким действиям против боевиков в 1999 г. Тогдашний успех не просто преувеличивался, он преподносился как поворотный пункт в российской региональной политике в целом. Отсюда и разговоры власти о Кавказе как о покойнике. Либо хорошо, либо

ничего. В 2009 г. федеральная власть сделала, пусть и с оговорками, и с привычной «лакировкой» действительности, несколько важных признаний. Во-первых, президент Дмитрий Медведев определил проблему Северного Кавказа как «самую серьезную внутривластическую проблему страны». Эта оценка была сделана им в его ежегодном (втором по счету) послании Федеральному собранию 12 ноября 2009 г.¹ Во-вторых, он же сформулировал понятие «системных проблем» региона.

9 июня 2009 г. в Махачкале вскоре после убийства главы МВД Республики Дагестан на совещании «О мерах по устранению угроз национальной безопасности Российской Федерации на территории Южного федерального округа» Медведев заявил: «Когда мы говорим о сохраняющихся угрозах, мы, конечно, должны смотреть в корень проблем. Я думаю, что ни для кого не секрет из здесь присутствующих, что эти проблемы на Северном Кавказе, на юге нашей страны носят системный характер. Что я имею в виду? Это и сохраняющаяся относительная бедность населения, очень высокий уровень безработицы, огромные масштабы коррупции, просто чудовищные масштабы коррупции, системные деформации в государственном управлении на региональном уровне, когда эффективность органов власти является крайне низкой. И, к сожалению, зачастую (это не везде) это сопровождается и утратой доверия к власти, утратой авторитета власти. Этого допускать нельзя»². При этом в определении «системных угроз», исходящих из северокавказского региона, президент России отдал приоритет не внешним, а внутренним факторам. На упомянутом уже махачкалинском совещании он таким образом расставил акценты: «Есть, конечно, и внешние факторы, такие как экстремизм, который нам поставляется из-за рубежа, уроды всякие, которые приезжают для того, чтобы на нашей территории гадить. Но не эти проблемы являют-

1 Цит. по: «Президент России. Послание Федеральному Собранию». www.kremlin.ru/transcripts/5979, 12.11.2009.

2 Цит. по: «Президент России. Выступление на расширенном оперативном совещании с членами Совета Безопасности. 9 июня 2009 года, 17:30, Махачкала». <http://special.kremlin.ru/transcripts/4383>, 09.06.2009.

ся системными»³. Впоследствии, уже освободившись от характерной путинской стилистики, Медведев продолжил эту тему в своей программной статье «Россия, вперед!» (она была опубликована 10 сентября 2009 г.). В этом тексте президент целый абзац уделил ситуации на Северном Кавказе, завершив его нетипичным для российской власти «нулевых годов» обращением: «Приглашаю к сотрудничеству и тех, кто не согласен со мной, но искренне желает перемен к лучшему»⁴. И наконец, в своем президентском Послании российскому парламенту Медведев констатировал: «Ситуация на Северном Кавказе не была бы настолько острой, если бы социально-экономическое развитие здесь было бы по-настоящему результативным»⁵. Таким образом, впервые за долгие годы центральная власть в России открыто признала, что кризисные явления в регионе имеют внутреннюю природу.

При этом «открытия» Кремля были девальвированы другими заявлениями и действиями. 2009 г. снова «высветил» непонимание тех угроз, которые стоят перед российской властью на Северном Кавказе. Ни в одном из отмеченных нами выступлений Дмитрия Медведева не была сделана идентификация противника, с которым Россия борется. Точнее сказать, эта идентификация была в очередной раз подменена набором старых хорошо знакомых пропагандистских лозунгов. В ходе совещания «О мерах по стабилизации социально-политической обстановки и нейтрализации террористических и экстремистских угроз в северокавказском регионе» (19 августа 2009 г., Ставрополь) профессиональный юрист Дмитрий Медведев не нашел ничего лучшего, чем предложить полностью вывести из-под юрисдикции суда присяжных преступления, совершаемые организованными преступными группировками (ОПГ)⁶.

Таким образом, глава государства сделал две фундаментальные

3 Цит. по: «Президент России. Выступление...»

4 Цит. по: «Дмитрий Медведев: Россия, вперед!». www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml, 09.10.2009.

5 Цит. по: «Президент России. Послание Федеральному собранию...»

6 Цит. по: «Совещание с участием членов Совета Безопасности о мерах по стабилизации социально-политической обстановки и нейтрализации террористических и экстремистских угроз в северокавказском регионе».

<http://www.kremlin.ru/news/5236>

ошибки (в большей или меньшей степени он воспроизвел их в своем ежегодном послании 12 ноября того же года). Во-первых, он отождествил террористическую деятельность с функционированием обычных ОПГ. Во-вторых, правильной оценки не получил современный терроризм, направленный, в отличие от народовольческого или анархистского террора двух прошлых веков, не столько на чиновников, сколько на рядовых граждан, поскольку он носит массовый, а не выборочный характер. В этой связи был проигнорирован тот факт, что сегодня без опоры на диалог с обществом (а суды присяжных – частный случай такого диалога) успешного противодействия террористам организовать не удастся. В послании Федеральному Собранию глава государства снова охарактеризовал северокавказских террористов как бандитов. «Мы будем вести непримиримую борьбу с международным терроризмом, будем уничтожать бандитов», - констатировал президент, снова продемонстрировав тем самым непонимание разницы между политически мотивированным и криминальным насилием⁷.

Однако на основе представлений о терроризме, обозначенных выше, под занавес 2009 г. были приняты корректировки законодательства относительно порядка судебного разбирательства дел о терроризме. В сентябре 2009 г. президент в порядке законодательной инициативы внес проект, предусматривающий введение в уголовную практику возможности изменения территориальной подсудности по особо тяжким преступлениям, связанным с терроризмом: террористическая деятельность, захват заложников, создание незаконных вооруженных формирований, угон воздушного судна. В декабре 2009 г. Государственная Дума приняла эти поправки. В постановлении же Конституционного суда, принятом 19 апреля 2010 г., признается законным проведение процессов по обвинению в терроризме без участия присяжных заседателей. При этом в постановлении высшей судебной инстанции РФ особо отмечается, что суд присяжных как институт не относится к числу основных прав (независимость суда и презумпция невиновности). Следовательно, по логике судей Конституцион-

7 Цит. по: «Президент России. Послание Федеральному собранию...»

ного суда, рассмотрение дела присяжными не слишком повлияет на объективность разбирательства⁸.

Подобно идентификации террористической угрозы, российская власть чрезвычайно упрощенно походит и к проблеме выстраивания отношений с северокавказскими мусульманами. На встрече с муфтиями и руководителями регионов Северного Кавказа в Сочи 28 августа 2009 г. Дмитрий Медведев четко продемонстрировал, что, во-первых, считает единственными легитимными представителями исламского мира Северного Кавказа «духовный генералитет», то есть руководителей республиканских Духовных управлений мусульман⁹. Во-вторых, он делит российский ислам на «традиционный» и «нетрадиционный». Первый априори относится к «конструктивному», а второй к экстремистскому направлению мировой религии. В-третьих, взаимодействие с «конструктивной» частью исламского мира видится главе государства как преференциальная политика по отношению к бюрократической надстройке, выступающей от имени и по поручению всех мусульман. Практика, хорошо знакомая по нашей национальной политике, в которой на роль «генералов» номинируются лидеры национально-культурных автономий. Между тем, духовные управления мусульман при всем к ним уважении и презумпции невиновности по отношению к их религиозной практике, не являются единственными представителями российского ислама! И было бы логично разобраться, кто они – «неофициальные» мусульмане, которых наши СМИ, политики, сотрудники правоохранительных структур чаще всего называют «ваххабитами». Те, кого так принято называть, свои действия квалифицируют как борьбу за «обновленный ислам», ислам «молящийся», противостоящий исламу «обрядному» или «похоронному» (то есть востребованному только по определенным поводам и датам, но не являющемуся нормой жизни), и кто далеко не всегда в своей борьбе использует вооруженные и экстремистские методы.

В качестве самого значимого успеха 2009 г. российская власть

8 См. полный текст Постановления:

http://ksportal.garant.ru:8081/SESSION/S_pKrVhEqN/PILOT/main.html

9 «Президент России, Вступительное слово на встрече с муфтиями и руководителями регионов Северного Кавказа». www.kremlin.ru/transcripts/5296

представила отмену режима КТО (контртеррористической операции) в Чечне. 16 апреля 2009 г. Национальный антитеррористический комитет (НАК) России по поручению президента Дмитрия Медведева внес принципиальные изменения в организацию контртеррористической деятельности в Чечне. С этого дня вся территория республики перестала считаться зоной проведения КТО. В этот же день президент Чеченской Республики Рамзан Кадыров объявил в республиканских СМИ, что отныне 16 апреля будет отмечаться как национальный праздник. Однако не прошло и недели после этого события, как вблизи административной границы между Чечней и Ингушетией на окраине селения Бамут в результате обстрела погибло трое российских военных. Таким образом, отмена режима КТО в Чечне в 2009 г. в первую очередь была пиар-шагом, опосредованным отношением к действительности. Этот шаг был одним из серии тех, которые уже не раз предпринимались российской властью на «чеченском направлении». В этом же ряду и заявление о возможности завершения КТО в течение двух месяцев (сделанное в 1999 г.), и тезисы о наступлении торжества законности после конституционного референдума в марте 2003 г., и слова второго президента РФ Владимира Путина о завершении операции в 2006 г. без подписания формального указа¹⁰.

В пользу подобного вывода свидетельствуют следующие факты. За год после отмены режима КТО в Чечне (то есть на момент 16 апреля 2010 г.) в республике число убитых сотрудников МВД, ФСБ, Министерства обороны достигло 97, еще 185 было ранено. За такой же период до отмены КТО эти показатели составили 52 и 150 человек соответственно. Выросли жертвы и среди участников экстремистского подполья. За год после отмены КТО было убито 189 лиц, объявленных боевиками и их сообщниками, задержано 186. Еще более красноречиво о ситуации в Чечне говорит террористическая динамика. Если за год до отмены КТО в Чечне был зафиксирован лишь один случай использования террориста-смертника на 59 взрывов, то в течение года

10 31 января 2006 г. Владимир Путин, отвечая на вопрос чеченского журналиста газеты «Молодежная смена» о сроках окончания проведения контртеррористической операции, заявил, что ее уже можно считать оконченной, так как в республике созданы все органы государственной власти.

после 16 апреля 2009 г. было отмечено 9 суицидальных атак на 63 взрыва. Следовательно, главная цель изменения режима – стабилизация общественно-политической ситуации – не была достигнута¹¹.

На звание главной политической инициативы по Северному Кавказу в 2009 г. может претендовать инициатива президента Дмитрия Медведева (озвученная в его президентском послании) по введению должности специального чиновника, ответственного за ситуацию в самом проблемном российском регионе: «Должен быть человек, лично ответственный за положение дел в этом регионе. Разумеется, он должен обладать достаточными полномочиями для эффективной координации работ на данном направлении. Такой человек появится»¹².

19 января 2010 г. эта инициатива получила свое дальнейшее развитие. Указом президента России Дмитрия Медведева было объявлено о воссоздании Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) в новых границах. В мае 2000 г., когда в стране, наряду с реформированием института президентских полномочных представителей, были учреждены федеральные округа, тринадцать субъектов Федерации уже включались в состав Северо-Кавказского округа. Эта административная единица тогда совпадала с границами Северо-Кавказского военного округа – единственного воюющего в постсоветской России. Однако вскоре округ был переименован в Южный. Начиная с января 2010 г. СКФО включает в себя 6 республик Северного Кавказа и Ставропольский край (столицей округа станет Пятигорск). На пост полпреда в СКФО был назначен губернатор Красноярского края Александр Хлопонин (родился в 1965 г.). На сегодняшний день можно зафиксировать несколько ключевых проблем, угрожающих эффективной деятельности нового полпреда. Во-первых, сам факт назначения. Хлопонин был назначен в результате кулуарных договоренностей между различными группами российской высшей бюрократии. Никакой стратегии и подготовленной команды для работы на Кавказе у него

11 «Год без КТО в Чечне: 301 смерть, 9 терактов с участием смертников». www.kavkaz-uzel.ru/articles/164059, 16.04.2010. Данные цифры взяты из официальных источников. Нельзя исключать, что данная статистика не является полной.

12 Цит. по: «Президент России. Послание Федеральному собранию...»

нет. Его «двойная подчиненность» (наряду с функциями полпреда президента он является вице-премьером правительства Владимира Путина) создает ему немало препон, поскольку он становится заложником бюрократической конкуренции двух аппаратов. В-третьих, многие структуры общекавказского значения (например, Северо-Кавказский военный округ, командование Внутренних войск) и отдельные субъекты РФ, связанные многими тысячами нитей с регионом (Адыгея, Краснодарский край), оказываются вне границ СКФО. В-четвертых, функциональная нагрузка для полпреда ограничена рамками экономики. Между тем, без решения кардинальных политических проблем региона (минимизация терроризма, введение силовых мероприятий в жесткие правовые рамки, определение четких критериев принятия управленческих и кадровых решений) полномасштабное инвестиционное освоение региона (залог эффективного экономического развития) кажется проблематичным.

Федеральная власть в 2009 г. не раз ставила в качестве приоритета модернизацию (невозможна модернизация всей страны без изменений в отдельно взятом регионе). Но как сочетаются с модернизацией заявления президента Чеченской Республики Рамзана Кадырова о необходимости раз и навсегда покончить с Украиной и Грузией и противостоять геополитическим устремлениям Запада?¹³ И вообще, насколько увязывается модернизация с фаворитизмом по отношению к отдельным региональным руководителям? Насколько современным является осуществляемый на Кавказе «кастинг» региональных лидеров, в котором неформальные связи до сих пор играют главную роль? Увы, но существующая разница между словом и делом (оценкой и исправлением ситуации) в 2009 г. была настолько велика, насколько была велика разница между двумя «картинками» Кавказа предшествующих лет.

13 См.: "Chechen President Says the West Wants to Destroy Russia".
www.telegraph.co.uk/expat/expatnews/6858882/Chechen-president-says-the-West-wants-to-destroy-Russia.html

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В 2009 г.: РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМИЗМ
НА ПОДЪЕМЕ

После бесланской трагедии сентября 2004 г. основные антироссийские выступления на Северном Кавказе проходят не под лозунгами этнополитического самоопределения, а под зеленым знаменем радикального исламизма. Еще 31 октября 2007 г. президент т.н. «Чеченской Республики Ичкерия» Доку Умаров снял с себя полномочия главы сепаратистского государства и провозгласил новое образование – Кавказский эмират (Имарат «Кавказ»). Себя же Умаров провозгласил «единственной законной властью на всех территориях, где есть моджахеды». Он также заявил, что отрицает все законы светских властей, которые существуют на Северном Кавказе. При этом им были объявлены «вне закона этнические, территориально-колониальные зоны под названием «северокавказские республики» и тому подобное»¹⁴. Оговоримся сразу. Считать Умарова лично и многих из его погибших и еще живущих соратников исламистами в полном смысле этого слова проблематично. Для этого у них отсутствует необходимая теологическая подготовка, а в некоторых случаях и элементарная образовательная база. По справедливому замечанию востоковеда Сергея Давыдова, «лидеры алжирского джихада как минимум умели правильно написать хутбу (проповедь); вопиющее невежество авторов некоторых северокавказских исламистских сайтов уже подверглось жесточайшему осмеянию со стороны их оппонентов». За такие смехотворные ошибки, как написание «дар-у-с-салам» вместо «дар-у-ль-ислам», а также за попытки приветствовать неведомых миру «ученых» титулатурой пророка Мухаммеда, считает Давыдов, «даже сельского муллу в Иране или Турции направили бы на переквалификацию»¹⁵. Но, как бы то ни было, а для таких неквалифицированных исламистов именно идеалы

14 Цит. по: *The Statement by Amir Dokka Umarov about the Declaration of the Caucasus Emirate* (07.10.2007).

<http://caucasus.wordpress.com/2007/12/02/the-statement-by-amir-dokka-umarov-about-the-declaration-of-the-caucasus-emirate-07102007/>

15 Давыдов С. *Уроки Алжира. Часть 1. Генезис конфликта*, www.caucasustimes.com/article.asp?id=13769, 20.03.2008.

«чистого ислама» являются основой протестной антигосударственной деятельности. С помощью них они с определенной эффективностью мобилизуют экстремистский потенциал. В некоторой степени принадлежность к радикальному исламистскому течению является маркером радикализма вообще (этнический национализм в этом контексте рассматривается как умеренное политическое движение, способное пойти на диалог и известные уступки Российскому государству).

Однако в то же самое время мы можем зафиксировать наличие в рядах северокавказских исламистов подготовленных проповедников, которые соответствуют стандартам «моджахеда будущего» (то есть грамотного теолога, одновременно владеющего тротилом и автоматом Калашникова). При этом наиболее известные из них не были этническими чеченцами по происхождению. В 2009 г. они вышли на первые роли в кавказском радикальном исламистском движении. Появились новые символы антироссийской борьбы на Северном Кавказе. Вряд ли такой человек, как Саид Бурятский (1982-2010 гг., Александр Тихомиров, по отцу - бурят, по матери - русский) мог бы вдохновлять на борьбу защитников светского националистического проекта. Человек изначально далекий от кавказского региона (он родился в столице Бурятии - Улан-Удэ), Тихомиров в 15 лет принял ислам, а затем начал интенсивно изучать религиозную литературу. В возрасте 20 лет он отправился в Египет и Кувейт для изучения арабского языка и исламской теологии. Затем были лекции известных арабских шейхов и посещение известного исламского университета «Аль-Азхар». Начиная с 2002 г., Тихомиров уже начал составлять и записывать собственные лекции. В них он подверг жесткой критике шиитов, представителей суфийского ислама, а также «примиренцев», отрицающих трактовку джихада как прямой вооруженной борьбы с неверными. Мишенью для его критики стали также мадхалиты (течение в исламе, призывающее подчиняться государственным правителям даже в тех случаях, если они не слишком ревностны в выполнении религиозных предписаний). Однако путь проповедника и полемиста показался Саиду Бурятскому недостаточным для ревностного мусульманина. В итоге он решил перейти от слов к делу. После появления декларации Доку Умарова о создании на месте непризнанной «Чеченской Республики

Ичкерия» Кавказского эмирата, Тихомиров-Бурятский решил при-
мкнуть к нему. Впоследствии он принес клятву на верность новояв-
ленному «амиру» и заявил о готовности не только на словах, но и на
деле вести «священную войну»¹⁶. По словам известного публициста
Гейдара Джемалы (не скрывающего своих симпатий к исламским ра-
дикалам), Тихомиров, не связанный происхождением с Кавказом, стал
«символом нового поколения в эпопее кавказской борьбы»¹⁷. Извест-
ная журналистка Юлия Латынина назвала его «исламским Че Геварой
бурятского розлива»¹⁸.

В этой связи такой факт, как вынесенный в 2009 г. «приговор»
знаковой фигуре чеченского этнического национализма Ахмеду За-
каеву (который сам себя вкпе с малочисленной группой единомыш-
ленников продолжает считать главой кабинета министров Чеченской
Республики Ичкерия) со стороны радикальных исламистов, нельзя
недооценивать. Сообщения о приговоре так называемого «Верховно-
го шариатского суда Имарата Кавказа» были распространены в СМИ
25 августа 2009 г. С точки зрения «судей», один из лидеров сепара-
тистского государства «отрекся от ислама», признав легитимность
Рамзана Кадырова: «Его публичные выступления доказывают, что он
покинул ислам. Суд постановил, что убийство этого вероотступника
– долг каждого мусульманина...». Таким образом, приговор Закаеву
– это не конфликт в рамках сепаратистского лагеря. Это – спор двух
идеологий, с одной стороны, сепаратистского этнического национа-
лизма (целью которого видится суверенная Чечня даже без братской
вайнахской Ингушетии), с другой – универсалистского религиозного
проекта, при котором борьба включается в часть глобального джиха-
да, а конечная цель не ограничивается Северным Кавказом, и даже, по
большому счету, Россией. Вот кредо создателей Имарата: «Мы неотъ-

16 В июле 2009 г. Саид Бурятский был назван Рамзаном Кадыровым «главным
идеологом бандподполья». См. Рамзан Кадыров: смертника, взорвавшего себя
в Грозном, подготовил Саид Бурятский.
<http://www.rg.ru/2009/07/30/reg-kuban/terrorist-anons.html>, 30.07. 2009.

17 Цит. по: Гейдар Джемаль: «Мученическая смерть - высшая форма героизма».
<http://islamkom.org/analitika/3818-1-r>

18 Цит. по: Юлия Латынина. Передача радиостанции «Эхо Москвы».
www.echo.msk.ru/programs/code/531192-echo/

емлемая часть исламской Уммы. Меня огорчает позиция тех мусульман, которые объявляют врагами только тех кафиrow, которые на них напали непосредственно. При этом ищут поддержки и сочувствия у других кафиrow, забывая, что все неверные — это одна нация. Сегодня в Афганистане, Ираке, Сомали, Палестине сражаются наши братья. Все, кто напал на мусульман, где бы они ни находились, — наши враги, общие»¹⁹. В этой связи вполне понятно и объяснимо, почему врагами умаровцев становятся одновременно Закаев и Кадыров. Все дело в том, что оба лидера представляют собой различные направления одного и того же пути - светского национализма. Закаев вместе с Дудаевым и Масхадовым строил независимую Чечню на основе противостояния ее с «империей». Кадыров же реализует проект чеченской нации-государства под российским флагом, но фактически вне российского политико-правового и социально-культурного (что намного важнее) пространства. Поэтому оба они попадают в перекрестье прицелов исламистов.

В 2009 г. сторонники Умарова (и он лично) взяли на себя ответственность за многие знаковые теракты. В апреле 2009 г. Доку Умаров заявил о воссоздании джамаата «Рияд-ус-Салихин» («Сады праведных») - отряда террористов-смертников, в свое время созданного Шамилем Басаевым. Именно эта структура взяла на себя ответственность за атаку на здание РОВД в Назрани (Ингушетия) 17 августа 2009 г., в ходе которой погибли 25 человек. В июне 2009 г. «умаровцы» взяли на себя ответственность за убийство главы МВД Дагестана Адильгеря Магомедтагирова, заместителя председателя Верховного суда Ингушетии Азы Газгиреевой и бывшего вице-премьера республики Башира Аушева. В июле 2009 г. они заявили о своей причастности к покушению на убийство президента Ингушетии Юнус-бека Евкурова. В августе они выступили с заявлением о том, что авария на Саяно-Шушенской ГЭС – дело их рук. В ноябре–декабре 2009 г. боевики взяли на себя ответственность за убийство православного священника отца Даниила (Сысоева), подрыв поезда «Невский экспресс». 31 марта

19 Цит. по: *The Statement by Amir Dokka Umarov about the Declaration of the Caucasus Emirate...*

2010 г. в видеообращении самого Доку Умарова по поводу терактов в московском метро, совершенных 29 марта, он заявил, что лично отдал приказ об их осуществлении.

Даже если ответственность за тот или иной теракт не соответствует действительности, а является частью информационного пиара, борьба за «правильную веру» становится продаваемым и востребованным политическим товаром²⁰. И этот товар будет тем более востребован, чем будет выше уровень социальной несправедливости и ниже – судебной и управленческой эффективности. Саид Бурятский в этом плане - явление показательное. Не проповедник из Пакистана или страны арабского Востока, а результат собственной религиозно-политической эволюции, нашедший в кавказской среде благодарную аудиторию. Заметим, что эта аудитория знает советские и российские реалии куда хуже, чем, чем Джохар Дудаев с Асланом Масхадовым. Она же намного меньше связана с общероссийской социально-культурной средой. Однако к данной оценке «исламского фактора» надо добавить некоторые нюансы. Нередко многие сюжеты внутриреспубликанской административно-бюрократической борьбы «прячутся» под «ваххабизм» (как в российских СМИ определяют радикальный исламизм), не имея к нему ни малейшего отношения. Кажется бы, власти и на региональном, и на федеральном уровне должны сделать все от них зависящее, чтобы понять, где действуют религиозные радикалы, где простой криминал, а где их синтез (последнее крайне важно для дискредитации боевиков и их идейных покровителей). Однако вместо этого представители власти повторяют пропагандистский тезис об «агонизирующих бандитах».

ЭТНИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ?

2009 г. показал, среди прочего, что надежды на «самоликвидацию» национализма (речь идет об академическом, а не уничижительном понимании этого феномена) были не оправданы. Серия акций балкарских

²⁰ Следствие по делу о Саяно-Шушенской ГЭС отвергло версию о террористической атаке как причине случившейся трагедии.

объединений, черкесские (адыгские) выступления в республиках с адыгоязычным населением (Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария), межэтнические отношения в Дагестане заставили обратить внимание на проблему, которая к началу 2000-х гг. казалась в целом преодоленной.

26-29 октября 2009 г. прошла серия массовых акций, организованных представителями балкарского национального движения в Москве. 26 ноября 2009 г. в ауле Хабез (центре одноименного района) Карачаево-Черкесии прошла массовая акция, на которой обсуждались перспективы создания отдельного «единого» черкесского субъекта РФ. В конце октября 2009 г. в парламенте Кабардино-Балкарской Республики (КБР) активно дискутировались законы «О статусе земель отгонного животноводства» и «О статусе территорий и порядке использования земель в целях традиционных форм отгонного животноводства». Попытки республиканских властей распутать сложные узлы поземельных отношений и вопросов местного самоуправления, затрагивающие интересы этнических балкарцев (не только посредством парламентской дискуссии, но и согласительных процедур) вызвали жесткую реакцию ряда кабардинских (адыгских) объединений КБР. Но насколько опасен «новый этнический национализм»? Грозит ли он перерастанием в сепаратизм или течения радикального характера с антироссийской риторикой? Сегодня такие выводы кажутся преждевременными.

Некоторое оживление этнического национализма на Северном Кавказе произошло в 2008 г. Для этого были предпосылки – как внутренние, так и внешние. Обострение «черкесской проблемы» произошло после серии кадровых решений четвертого президента Карачаево-Черкесской Республики (КЧР) Бориса Эбзеева, начавшего исполнять свои обязанности 5 августа 2008 г. Назначив на пост главы республиканского правительства Владимира Кайшева (этнического грека), президент КЧР покусился на бюрократический пост, считавшийся черкесским «по умолчанию» (прежний премьер Алик Карданов, этнический черкес, был отправлен в отставку). Свою роль в активизации этнического национализма именно в черкесской среде сыграло и состоявшееся 26 августа 2008 г. признание Россией независимости Аб-

хазии (республики, которая также позиционирует себя как часть большого «черкесского мира»). В этой связи неслучайно, что на открытии Чрезвычайного съезда черкесского народа 23 ноября 2008 г. один из лидеров черкесской общественной организации «Адыгэ Хасэ» Умар Темиров (в советское время работавший в должности второго секретаря обкома КПСС Карачаево-Черкесской АО) выступил со следующим заявлением: «Россия спасла абхазов от «грузинского шовинизма», а теперь наступило время вспомнить о проблемах российских черкесов (адыгов), которые пострадали и от Российской империи, и от советской власти»²¹.

Однако, «новые» националисты в своих заявлениях остаются в пределах российского политико-правового пространства. Те же балкарцы, ингушские правозащитники или черкесские активисты пытаются апеллировать к центральной российской власти, а не к Совету Европы. В марте 2010 г. на митинге, посвященном 66-летию депортации, представители Совета старейшин балкарского народа подготовили обращение к полномочному представителю президента на Северном Кавказе Александру Хлопонину.

При этом нельзя не заметить разницы между национализмом времен «парада суверенитетов» и национализмом образца 2009 г. Если «старый национализм» был политическим счетом к советской (и в меньшей степени к имперской) эпохе, то нынешние балкарские или черкесские выступления, хотя и используют «исторический материал», имеют иную природу. Это – реакция на современные реалии (земельные проблемы и сопутствующая им коррупция, кадровая политика, вопросы местного самоуправления). При грамотной политике (определенные проявления ее мы видим в КБР в виде согласительных процедур) опасность «возрождения» национализма может быть минимизирована. Исключена полностью она быть не может. Однако (и это показал и 2009 г.) нередки случаи, когда республиканские власти пытаются тушить исламистский пожар националистическим керосином. Такое «инструментальное» использование этнической карты

21 Цит. по: *Черкесам нужен свой субъект. Так решил чрезвычайный съезд черкесского народа*. www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1077868&print=true

крайне опасно (что показали и события 1989-1991 гг.). Осторожный оптимизм внушает то, что советские этнополитические «счета» в 2009 г. стали, наконец, оплачиваться. С мертвой точки удалось сдвинуть процесс разрешения осетино-ингушского конфликта. Большую роль в этом процессе сыграл третий президент Ингушетии Юнус-бек Евкуров, приступивший к исполнению своих обязанностей 31 октября 2008 г. По справедливому замечанию российского кавказоведа Константина Казенина, «Ингушетия теперь настаивает на возвращении вынужденных переселенцев, покинувших свои дома во время конфликта октября–ноября 1992 года, именно в те села Пригородного района, где они жили до конфликта. Не признается более практика «закрытых сел», а также строительства в Пригородном [районе] новых поселков для переселенцев. Зато руководство Ингушетии внятно отказывается от претензий на возвращение района...»²². Этот курс вызвал ответные подвижки и в позициях североосетинской власти. На совещании по проблемам беженцев и вынужденных переселенцев 2 октября 2009 г. президент Северной Осетии Таймураз Мамсуров заявил, что ингуши могут свободно вернуться в Пригородный район, а власти Северной Осетии не чинят им препятствий в этом²³.

Тем не менее, по данным различных источников, на момент написания статьи лишь порядка 15-20 тыс. вынужденных переселенцев смогли возвратиться в места их прежнего проживания. При этом обе конфликтующие стороны недовольны политикой федерального центра по разрешению этой проблемы. Осетинская сторона считает, что возвращение ингушей идет форсированными темпами, а ингуши недовольны малой интенсивностью процесса возвращения. Сохраняется и мягкий апартеид. В частности, 1 марта 2009 г. во время выборов органов местного самоуправления Пригородного района в тех селах, где проживают ингуши, голосование не проводилось. Ситуацию все эти годы осложнял конфликт между Грузией и Южной Осетией, в результате которого сама Северная Осетия тоже была вынуждена разме-

22 Цит. по: Константин Казенин: *Пять главных дел Евкурова*. www.regnum.ru/news/1177785.html, 22.06.2009.

23 Мамсуров: *власти Северной Осетии не мешают ингушам вернуться в Пригородный район*. www.kavkaz-uzel.ru/articles/160154/, 02.10.2009.

щать у себя беженцев-осетин из Южной Осетии и внутренних регионов Грузии.

Как бы то ни было, 17 декабря 2009 г. руководители двух республик Ингушетии и Северной Осетии подписали двустороннее Соглашение. Впервые за постсоветский период не просто на словах, а в официальном документе ингушские вынужденные переселенцы получили право вернуться в места своего проживания (ранее им предлагались разные варианты обустройства на новом месте). Скорее всего, никакого обвального возврата не будет (многие ингуши, покинувшие Пригородный район, уже давно обосновались за пределами этой спорной территории). Но право возврата (то есть в реальности возвращение к принципу Конституции РФ о свободе передвижения) признается, общероссийская правовая норма ставится выше региональной этнической целесообразности. С другой стороны, Ингушетия отказывается от требований вернуть ей Пригородный район. Тем самым признается, что восстановление исторической справедливости путем сотворения новой несправедливости (уже по отношению к осетинам, выросшим в Пригородном районе, и не знающим никакой иной родины) недопустимо. Право человека и гражданина ставится выше «права крови». Практически в первый раз после 1992 г. признается (не декларативно, а документально), что и осетины, и ингуши – две части единого российского национально-государственного проекта, которые должны быть не просто соседями, а стать согражданами одной страны.

СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА ОГРАНИЧЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Помимо исламизма и этнического национализма, из политической повестки дня Северного Кавказа никуда не делась бюрократическая конкуренция за доминирование в рамках «отдельно взятой республики». Эта управленческая борьба в очередной раз доказала: споры за власть не ведутся в жесткой привязке к этнической или конфессиональной принадлежности. Это – сложная конфигурация клановых интересов и «групп влияния» в Москве. Пожалуй, самой показательной республикой в этом плане стал в 2009 г. Дагестан, самая крупная (по терри-

тории и населению) северокавказская республика. Это не случайно, поскольку 2009 г. был «подготовительным периодом» для проведения президентского кастинга республиканского уровня (в феврале 2010 г. истекли полномочия президента Муху Алиева). В отсутствие прямых выборов главы республики мы стали свидетелями сложных бюрократических поединков с весьма специфическими представлениями о публичной политике. В начале 2009 г. региональная элита при поддержке самого президента республики не допустила назначение на пост главы республиканского управления налоговой службы (федеральной структуры) чиновника из Москвы Владимира Радченко. При этом на страницах СМИ появились высказывания дагестанского президента Муху Алиева с жесткой критикой Федеральной налоговой службы. Он заявил тогда, что её руководитель Михаил Мокрецов оказался заложником «в руках некоторых дагестанских москвичей, лоббирующих свои интересы в республике»²⁴. В конце 2009 г. на выборах мэра Дербента (второго по величине дагестанского города) возникла непростая интрига. В ходе избирательной кампании действующего мэра города Феликса Казиахмедова поддерживала не только правящая партия «Единая Россия», но и лично Муху Алиев. Как писали некоторые республиканские СМИ, складывалось впечатление, что Муху Алиев – начальник штаба по выдвижению Казиахмедова в мэры города²⁵. Выборы мэра Дербента состоялись в «единый день голосования» 11 октября 2009 г. По данным республиканского избиркома Дагестана, победителем избирательной кампании с 66,95% голосов стал действующий глава города представитель «Единой России» Феликс Казиахмедов. Однако городской суд Дербента 3 декабря 2009 г. отменил итоги выборов мэра. В самом деле, выборы мэра Дербента сопровождались беспрецедентными даже для выборов в условиях административного ресурса скандалами. В день голосования из 36 избирательных участков работали только 23, и то некоторые из них не весь день. Избирателям не давали пройти на участки для выражения своего волеизъявления,

24 Цит. по: *Элитная пробка под национальным соусом.*
www.polit.ru/analytics/2009/02/19/dagestan_print.html, 12.02.2009.

25 Цит. по: Ханмагомедов М. *Каждому министру по урне!* Черновик. *Общественно-политический еженедельник*, №40, 02.10.2009.

при этом данная акция сопровождалась невиданным использованием представителей правоохранительных структур. Итоги выборов вызвали неудовлетворение в рядах оппонентов действующей городской и республиканской власти. 12 октября они провели митинг в Дербенте, а 26 октября прошлого года – в Москве (на столичную акцию пришло около 300 человек). Остроты ситуации добавлял тот факт, что случаи, когда бы судебные инстанции отменяли результаты выборов мэров городов, в постсоветской России можно перечислить буквально по пальцам. На Северном же Кавказе Дербент создал первый прецедент подобного рода. И создан он был как раз в канун определения кандидатуры президента республики (что не позволяет нам говорить о данном решении, как об абсолютном торжестве правосознания и законности). В связи со скандалом в Дербенте в публичных выступлениях Муху Алиева снова возникла тема «руки Москвы». В интервью газете «Коммерсант» (имевшему «говорящий заголовок» «Ситуацию в Дагестане раскачивают люди из Москвы») Муху Алиев, подводя итоги своей президентской легислатуры, констатировал: «Но есть и богатые люди, дагестанцы, которые не жалеют средств для дестабилизации. Они хотят или сами прийти к власти, или иметь здесь марионетку, которой они могут управлять. Им все равно, с чего начать — с Дербента, Хасавюрта, Махачкалы. Они мобилизуют прессу, подкупают федеральных чиновников, раздают деньги на местах, запугивают людей, но у них ничего не получается»²⁶.

В итоге процедура определения кандидата на президентский пост в Дагестане беспрецедентно затянулась. 19 ноября 2009 г. президиум Генерального Совета правящей партии «Единая Россия» предложил на рассмотрение президента Дмитрия Медведева список из пяти кандидатов на пост главы самой крупной северокавказской республики. В нем, помимо Муху Алиева, оказались вице-премьер республиканского правительства Магомед Абдуллаев (в свое время он учился в аспирантуре Ленинградского университета практически параллельно с Дмитрием Медведевым), помощник спикера Совета Федерации Ма-

26 Цит. по: *Ситуацию в Дагестане раскачивают люди из Москвы. Муху Алиев рассказал, чем заканчивается его президентский срок.* Коммерсант, № 221(4276), 26.11.2009.

гомед Магомедов, сын многолетнего председателя Госсовета республики депутат Народного собрания Магомедсалам Магомедов (именно на его кандидатуре впоследствии и остановит выбор президент РФ), Магомедгуссейн Магомедов (претендовавший на роль руководителя республики во второй раз). В списке «Единой России», поданном на рассмотрение Медведеву, не оказалось многих влиятельных в республике персонажей. В первую очередь в этом ряду следует отметить амбициозного мэра Махачкалы Саида Амирова (впервые победил на муниципальных выборах в феврале 1998 г.). Несмотря на то, что в его пользу высказывалась городская организация «Единой России», а верные ему СМИ развили активную деятельность, Амиров не стал участником федерального отбора. Вне его остались и другие влиятельные мэры дагестанских городов, имеющие мощные позиции далеко за пределами своего муниципалитета. К таковым мы могли бы причислить мэра Хасавюрта Сайгидпашу Умаханова (часто оказывавшегося в фокусе внимания во время громких событий в Дагестане), а также главу Кизлярского района Сайгида Муртазалиева.

Как бы то ни было, в декабре 2009 г. Дмитрий Медведев утвердил «дагестанскую пятерку». Однако в день 21 января 2010 г., когда истек определенный регламентом срок (30 дней до истечения срока полномочий действующего главы республики) для определения кандидата в президенты республики, высшая российская власть не огласила своего решения²⁷.

По справедливому замечанию российского политолога и журналиста Ивана Сухова, «за весь период, когда на Северном Кавказе функционирует система назначения вместо всенародных выборов, нынешнее... назначение президента в Дагестане, выглядит как самое проблематичное».²⁸ В самом деле, для оглашения финального решения по кандидатуре главы республики Москве потребовалось целых две

27 Данный регламент был введен Указом Президента РФ № 441 «Об утверждении Положения о порядке внесения и рассмотрения предложений о кандидатурах на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации» от 2 апреля 2009 г.

28 Цит. по: *Кремль не комментирует задержку назначения президента Дагестана*. <http://karabakh.kavkaz-uzel.ru/articles/164449>, 20.01.2010.

дополнительных недели. За это время затянувшаяся церемония определения победителя президентского отбора получила образное название «президент-шоу» (его ввел махачкалинский эксперт и журналист Зубайру Зубайруев). И только 8 февраля 2010 г. Дмитрий Медведев представил Народному собранию республики кандидатуру нового президента. Им стал сын ветерана дагестанской политики Магомед-Али Магомедова, сорокапятилетний Магомедсалам Магомедов, представитель новой генерации политиков и управленцев, чей карьерный рост пришелся уже на постсоветский период²⁹. Как и в ситуации с назначением полпреда на Северном Кавказе, номинация Магомедова-младшего происходила как непубличная кулуарная процедура.

* * *

Таким образом, и в 2009 г. Северный Кавказ не стал более безопасным, и главное, предсказуемым регионом. По-прежнему он представляет для Российского государства и общества широкий спектр разнообразных вызовов, начиная от исламского радикализма и заканчивая сложными закрытыми бюрократическими противоборствами. Несмотря на то, что в 2009 г. центральная российская власть признала наличие кризисных явлений на Северном Кавказе, прорывных стратегий развития региона так и не было предложено. По-прежнему государство делает акценты на чиновничье-бюрократических методах оздоровления ситуации, отказываясь и от диалога с гражданским обществом, и от использования «мягкой силы» (интеграционные проекты, внедрение элементов гражданской идентичности, актуализация конструктивных проектов в религиозной сфере, таких, например, как евросоислам как

29 В период «перестройки» Магомедсалам Магомедов только завершал свое образование. В 1986—1990 гг. он был стажером-исследователем и аспирантом Московского института народного хозяйства им. Плеханова. Его отец Магомед-Али Магомедович Магомедов (родился 15 июня 1930 г.) в 1978-1987 гг. занимал пост председателя Совета министров Дагестанской АССР, 1987-1990 гг. – пост председателя Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР, в 1990-1994 гг. – председателя Верховного Совета республики, с июля 1994 по февраль 2006 гг. – председателя Госсовета Дагестана. В декабре 1993 г. был также избран в Совет Федерации первого созыва (1993-1995 гг.).

альтернатива радикальному исламу) в продвижении собственных интересов. И хотя стратегической целью российской политики провозглашена модернизация, Северный Кавказ практически не рассматривается в этом контексте. По инерции он рассматривается, скорее, как недоразвитая окраина, а не неотъемлемая часть общероссийского политико-правового пространства. Обнадеживает только существующий «запас прочности» (население региона заинтересовано в усилении российского государственного присутствия и эффективного арбитража со стороны центральной власти), а также проявляющееся чуть более активно, чем раньше, стремление российской власти к критической оценке региональных реалий.